

Честно говоря, сама по себе пробежка по небу была недолгой: наверное, от силы минуты две-три. Но, боюсь, эти пару минут отпечатаются в моём сознании навсегда. Каждый отскок, который делала кормилица, казалось, был для нас последним: я видел, как быстро истощается от применения этого приёма её энергия, как медленно мы начинаем спуск и как за нами идёт чума из всё прибывающих и прибывающих злобных чертей, как стрелы начали пролетать прямо возле нас, пытаясь подстрелить мою кормилицу.

...интересно, они там знают, что у неё ценный груз?

Будучи куском сознания, существовавшим где-то рядом со своим телом, который научился двигать метафизической головой на все триста шестьдесят градусов, я наблюдал воистину прекрасный вид. На краю повреждённого суровой реальностью сознания витали мысли, как бы я орал, если бы сейчас вернулся в своё тело.

Но, к счастью, в какой-то момент женщина смогла покинуть долину, оказавшись в густых, ещё более мрачных, лесах. Сквозь деревья иногда просачивался свет луны, впрочем, особо видимости не добавляя, что, как ни странно, совершенно не мешало ей ориентироваться в пространстве. Двигалась моя кормилица странно, но совершенно точно не случайно: иногда она делала неожиданные прыжки, видимо, перепрыгивая через какую-то западню, иногда предпочитала вместо того, чтобы пробежать через сравнительно чистую поляну, пойти в обход...

Мало этого, она уже так не рисковала, частично перестав фонить вокруг этой сверхъестественной энергией, начав действовать более осторожно. Я буквально задницей чувствовал, что нас в покое не оставили и преследование продолжалось, но навыки моей кормилицы превосходили преследователей как бы не на целый порядок — постепенно мы отдалялись от злыдней всё дальше и дальше, а редких крыс, засевших между деревьев, огибали — пожалуй, женщина знала то, как здесь всё устроено, даже слишком хорошо.

К сожалению, я вновь начал рано расслабляться.

Неожиданно в нас едва не влетел мужской силуэт, создававший вокруг себя какие-то тёмно-серые, практически чёрные, эманации. Моя кормилица успела увернуться, и я готов был поставить свою коллекцию башен из спичек (сомневаюсь, что с ней там всё нормально), что в случае попадания этой грёбаной торпеды нам бы было больно, ибо дерево, в которое влетел силуэт, нахрен снесло!

Это был хренов дуб! ДУБ!!!

Моя кормилица тоже впечатлилась, ускорившись настолько, насколько это вообще возможно, разом, как мне показалось, отдалившись как от мелких мошек, так и от этого промежуточного босса. Я видел, что женщина уже ощутимо запыхалась, приближаясь к своему пределу, но сдаваться упорно отказывалась, выжимая из себя все возможные силы. Больно прыткий и сильный преследователь, быстро нас нагонявший, видимо, тоже это заметил:

— ХахаХАхахаАХ!!!

Наполненный истеричным весельем смех дополнялся редкими попытками нас снести своей тушкой, но каждый раз моей кормилице удавалось увернуться. Женщина приближалась к своему пределу всё ближе и ближе: её тело уже ощутимо дрожало, кровавая аура сильно потускнела, как и сами движения похитительницы-спасительницы стали не настолько точными, а скорее прерывистыми и дёрганными.

Бег по небу ей обошёлся слишком дорого.

И всё же мы смогли приблизиться к концу леса: вдалеке виднелся конец этого безумия, пусть и было понимание, что конец леса — не значит конец погони. Оставалась надежда на то, что кормилица учла этот момент и не просто так отчаянно пыталась сбежать, понадеявшись исключительно на свои силы.

Увы, так просто отпускать нас не собирались.

Промежуточный босс, понимая, что игры в салки затягиваются, в один миг нас обогнал. Женщина резко остановилась, зная, что если сейчас попытается через него проскочить, то может за это дорого поплатиться. Благодаря же недолгой передышке удалось разглядеть преследователя.

Сквозь листья деревьев лунный свет падал на частично седого, высокого, мускулистого, волосатого мужчину средних лет, одетого во всё то же подобие халата серого цвета. Частично порванного и потрёпанного халата. Седые, явно ранее чёрные, длинные волосы были распущены и словно кем-то взлохмачены, глаза чёрные, но какие-то мутноватые. В этих же глазах я видел искрившееся веселье, что широкая улыбка лишь подтверждала. Удивительно, что сначала я обратил внимание на веселье в «глазах», а лишь потом взял во внимание мимику лица.

Что-то у меня с мозгами точно не так...

— Устал, Шин Вон Ги? — превратилась улыбка здоровяка в оскал. Моя бровь мысленно дёрнулась. Кажется, это было имя. По идее. Вообще, это первое имя, которое я услышал в этом мире. Для меня оно воспринималось крайне странно, да и отдавало мужским — сомневаюсь, что это настоящее имя моей кормилицы, но и в таком случае... Пожалуй, можно опустить момент с именем. Взгляд сильного злыдня, пока я предавался новым открытиям, опустился на меня. — Не думаешь ли ты, что ***** прощён за ***** молодого ****?

— Я поступаю во **** *~~~*, — тяжело дыша, произнесла кормилица мужским голосом. — Глава ***** что-то плохое!

Улыбка здоровая немного померкла. Он уже не казался таким весёлым.

— Он его признал.

— Это ложь, Юн Бо Гён, — едва ли не прорычала моя кормилица.

Она начала перечислять мои будни и то, как ко мне относились. Много из её слов я не понимал, но общий посыл фраз уловить мог даже человек, не понимающий язык — происходило что-то неправильное. Не так, как должно было быть. Как я понял из её речей, о том, как проходили мои будни, она узнала не самими, так сказать, честными путями.

Ой, да я это понял с самого начала, ребята. Сделали открытие, блин. Получается, они не знают, что мать моего нового тела убили? Посчитали, что просто не пережила роды, что ли? А акушерка просто ушла таинственно в туман, ага? Ну, я знал, что нахожусь в логове злыдней, однако кто же знал, что эти злыдни ещё и своих спокойно убивают, предают и подставляют. Думал, что традиции!

И, самое интересное, это делает здесь предполагаемая самая важная шишка. Прекрасно.

Главное зло, которое мочит и подставляет направо и налево своих подчинённых, заведомо хреновое главное зло.

Речи женщины погрузили в глубокие размышления не только меня, но и здоровяка. Он уже не улыбался. В какой-то момент просто поднял взгляд на луну, о чём-то серьёзно задумавшись. Для меня и кормилицы это были, наверное, не самые фееричные, но точно самые напряжённые минуты ожидания. Я чувствовал, как была напряжена моя кормилица, как едва ли не сводило её мышцы судорогой.

К сожалению, дипломатия не сработала.

— Даже если ты не врёшь, — вновь оскалился тупоголовый здоровяк, переведя с луны на нас взгляд, — то что с того?

Женщина едва успела увернуться от рывка здоровяка: казалось, что он буквально телепортировался к ней, нанеся удар кулаком. Он был такой силы, что едва не снёс ближайшее дерево. Если бы этот удар сейчас попал по мне, то и мокрого места бы не осталось...

И это понимал не только я.

— Ты... Как ты смеешь?!

Моя кормилица, спасшая меня только что от по-настоящему ужасной участи, шокировано смотрела в глаза здоровяка. Здоровяк, широко улыбаясь, сделал новый рывок. И вновь женщина едва увернулась. Наверное, не находишь я в состоянии внетелесности, от плясок этих боевых магов меня укачало. Метафизические булки были сжаты до предела — не только потому, что я переживал за то, что один такой удар от меня мокрого места не оставит, но и из-за красноволосой.

Потому что если я ещё теоретически могу выжить, то она — нет. Я не был бесчувственной демонюгой, который может спокойно смотреть, как всё ближе приближается к смерти моя кормилица. К сожалению, что-либо сделать я не мог. По крайней мере, пока мне не дадут шанс.

К несчастью для здоровяка, мне его дали.

В какой-то момент женщина не смогла полноценно увернуться, и этим тут же воспользовался здоровяк, мгновенно поменяв однотипный удар на захват ладонью. Громила, возвышающийся над красноволосой женщиной на целую голову, голой рукой вцепился в её шею, подняв над землёй.

Тело кормилицы задрожало в конвульсиях, из её рта начал доноситься болезненный хрип.

— *****, — презрительно ухмыльнулся здоровяк. — Твоя **** слишком *****. Я всегда *****, что ты что-то скрываешь. Кто бы мог подумать... — лицо мужчины перекосило. — Кто позволил стать Чёрным ***** женщине?!

О-о-о, я хоть и не всё понял, но если бы этот крендель, пусть имея свои сверхспособности, посмел это ляпнуть в моём родном мире, особенно в какой-нибудь Америке, то его бы уже кастрировали. Дурачье.

Впрочем, я ему в какой-то степени благодарен. Бугай слишком близко приблизил своё лицо к лицу моей кормилицы, уже собираясь стянуть с неё маску, но он не подумал о том, что опасно

близко приблизил к своей груди не только обессиленную женщину, но и меня. Не знаю, смогу ли я хоть что-то сделать, однако не попробовать не могу.

Не один раз живём, в конце концов!

Чёрное сердце, ставшее энергетическим продолжением основного сердца, забилося в каком-то подобии детского восторга, словно на самом деле чувствуя возможность сделать гадость. Освежающая энергия прокатилась по телу, после чего собралась со всего тела в один пучок. Этот же пучок я, используя всё то, чему научился методом тыка в состоянии внетелесности, направил за пределы тела, прямиком в сердце расслабившегося бугая.

По идее, учитывая просто гигантский разрыв сил, дядька должен был подавить мою энергию чисто инстинктивно, однако, как я уже говорил ранее, был один нюанс...

Моё чёрное сердечко было штукой довольно страшной. И это опуская то, что сам дядька, пока нас преследовал, порядочно потратил энергии. И, что самое главное, он расслабился — в этом его основная ошибка. Даже покинув пределы моего тела, сверхъестественная, в моём восприятии по-настоящему зловеще-чёрная, энергия, ещё какое-то время чувствовалась, позволяя понять, что я сделал. Словно голодный злой зверь, она начала разъедать чужую энергетику, эффект был мгновенный — лицо промежуточного босса буквально перекосило.

На тело накатила безумная слабость, меня непроизвольно выкинуло из состояния внетелесности, возвращая обратно в тело, из-за чего стало ещё хреновее, но я был доволен. Уставшее чёрное сердце внутри меня, казалось, было и того счастливее меня, посылая в тело импульсы уже начавшей восстанавливаться силы.

Громила, закашлявшись, ослабил свою хватку, свободной рукой схватившись за грудь, где сейчас хозяйничала моя сила. На долго её не хватит, речь идёт о жалком миге, однако и это в реальном бою, особенно бою боевых магов, безумно много. Моя кормилица не подвела: открыв в себе уже, наверное, дыхание эдак третье, достала из рукава припасённый кинжал, который смачно засадила в горло не успевшего прийти в себя бугая, после чего отпрыгнула от него, едва сама не упав.

На лице волосатого бугая застыло непонимание, перемешанное с болью. Продолжая стоять на одном месте, он дотронулся рукой до рукояти кинжала, его руки задрожали. Уже чувствуя, что по чуть-чуть отправляюсь в сон, увидев глупую морду будущего трупа, освещаемого сквозь густые деревья светом луны, залиvisto засмеялся. Засмеялся так, как умеют только маленькие дети, которых злобные родители решили пощекотать.

Моя кормилица, уже находившаяся на грани обморока, обняла меня, начав гладить по голове. Я же продолжал смеяться.

— Т-ты...

Это было последнее, что сказал бугай, прежде чем упасть навсегда. И я готов был поставить свою коллекцию башен из спичек, что он смотрел прямо на меня. Смеясь, толком и не обратил внимание на то, как почувствовал новый прилив сил. Толку от этого прилива, если мозги уже совсем не соображают, но благодаря ему я почувствовал новую порцию иррационального счастья, чем, как мне показалось, даже напугал свою кормилицу.

От накатившей эйфории плохо запомнил, что было дальше. Мы выбрались из леса, за его пределами нас уже поджидала какая-то группа людей, состоявшая из какого-то совсем низенького старичка с метлой и ещё пары человек в белых одеждах. Находясь в неадекватном

состоянии, я умудрился хорошо запомнить, как они смотрели на мою кормилицу: как на опасного зверя. Все, кроме седого старичка с метлой.

Счастливого и точно неадекватного меня кормилица с ощутимым нежеланием передала, напоследок, немного дрожа, поцеловав в лоб, не забыв сказать то, что я, даже пожелай, не смог бы забыть. Сказано явно в никуда, без надежды, с пониманием, что младенец не то что хрен запомнит что-то, а в принципе поймёт:

— Живи, молодой глава, Ан Хаян.

Это было последнее, что я услышал, перед тем как окончательно вырубился.

Моя жизнь, кормилица, обещала быть весьма стрёмной...

<http://tl.rulate.ru/book/74324/2065964>